

В.В.Понарядов (Сыктывкар)

ГРУППОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Термин “групповое оформление” употребляется в языкознании достаточно часто, но дать ему определение пока никто не пытался. Обычно так называют использование одного служебного элемента для выражения грамматических значений сразу нескольких членов словосочетания. Такие случаи могут рассматриваться как приравнивание словосочетания (группы) в морфологическом и синтаксическом отношениях к одиночному слову. Группа может состоять из существительного или глагола с подчиненными словами (определениями, дополнениями, обстоятельствами), а также из однородных членов с подчиненными им словами. Группа может рассматриваться как своеобразный случай окказиональной субстантивации или вербализации словосочетания, в результате чего служебный элемент оформляет всю группу так же, как отдельное слово, и, таким образом, как бы “выносится за скобки”, между которыми заключена группа.

Приравниваясь к существительному или глаголу, группа имеет субстантивную или вербальную словоизменительную парадигму, некоторые формы которой могут быть маркированы значимым отсутствием аффиксации. Поэтому групповое оформление может иметь место и при отсутствии оформляющего служебного элемента, причем в таком случае оно распознается по вхождению конструкции в парадигматический ряд с конструкциями с ненулевым служебным элементом.

В то время как аналитическое групповое оформление “выносимыми за скобки” служебными словами распространено почти повсеместно (Солнцева, 1985, с.94), синтетическое групповое оформление аффиксальными элементами встречается довольно редко. Коми язык предоставляет обширный материал для изучения этого явления.

В различных языках наиболее часто отмечаются случаи группового оформления сочинительных сочетаний. Так, в алтайских языках аффиксы падежа, числа и притяжательности присоединяются, как правило, только к последнему из однородных членов: тур. {*kitap, defter ve kalem*}-*ler* ‘книги, тетради и ручки’; монг. {*Харандаа, бэх*}-*ийг ав* ‘Бери карандаш и чернила’ (Дудина, 1993, с. 25; Ринчинэ, 1952, с. 35). В тюркских языках то же наблюдается при присоединении к однородным сказуемым личных “аффиксов сказуемости”: тур. *Ben {oraya gider ve onu görür}-üm* ‘Я туда пойду и его увижу’. Однако в коми языке подобные случаи встречаются редко. Возможно, иногда имеет место групповое оформление однородных существительных аффиксом винительного падежа: *Поплбн пузис вирыс: воштис сійб {вбвъяс, мбсьяс да став ыжсьяс}-сб* ‘У попа кровь вскипела: потерял он лошадей, коров и всех овец’ (Коми мойдьяс, 1976, с. 06). Однако, так как аффиксальная и безаффиксальная аккузативные формы в коми языке варьируются достаточно свободно, здесь возможна альтернативная интерпретация. Более ясный случай — окказиональное глаголопроизводство от однородных наречий: *Коч ку лызь кодь, {отарб-модарб}-ась-б* ‘Как лыжи, обитые заячьей шкурой, скользит то в одну сторону, то в другую’ (Коми шусьбгъяс..., 1983, с.176).

Несочинительные сочетания подвергаются групповому оформлению реже, хотя такие случаи изредка встречаются даже в русском языке: *с {князь Иван}-ом, {Иван Иваныч}-у*. В английском языке наблюдается групповое оформление атрибутивных словосочетаний показателем притяжательного падежа -'s: {*the man I saw yesterday*}-'s, {*the king of England*}-'s (Блумфилд, 1968, с.188; Успенский, 1965, с.105, 138; Солнцева, 1985, с.59, 94).

По аналогии с данными английскими конструкциями как сходный случай группового оформления атрибутивных конструкций, несмотря на непривычность такой интерпретации, может рассматриваться и присоединение словоизменительных аффиксов к существительным, определяемым несогласованными определениями: коми {*ыджыд керка*}-*ын* ‘в большом доме’. В большинстве агглютинативных языков определение может быть обозначено генитивной формой имени: монг. {*улс-ын нийслэл*}-*д* ‘в столице страны’. Однако в коми языке здесь имеет место приводящее к исчезновению группового оформления своеобразное согласование генитивного определения и определяемого в падеже. Определяемое оформляется в генитиве, аблативе или номинативе в зависимости от падежа определяемого: *Ми-*

коллѳн пыжыс вѳлі нин ю шѳрын 'Лодка Миколы была уже на середине реки'; Микол пыжын 'в лодке Миколы', Микол пыж бѳрся 'за лодкой Миколы'; аддзим Миколлысь пыжсѳ 'увидели лодку Миколы' (Некрасова, 1995, с.15). Это явление (субстантивное падежное согласование, в терминологии М.А.Даниэль) типологически объединяет коми язык с некоторыми кавказскими, например с древнегрузинским, где на аффикс родительного падежа определения наращивается падежный показатель определяемого (*šecvvn-ita c'mid-isa sameb-isa-jta* '(с) помощью Святой Троицы'), и еще более — бежтинским, в котором существуют два показателя родительного падежа, употребление которых зависит от падежа определяемого (*abo-s is* 'дом отца', но *abo-la is-t'i-l* 'к брату отца') (Даниэль, 1998).

Другая разновидность группового оформления атрибутивных конструкций наблюдается при отыменном словообразовании прилагательных и глаголов. Так, в коми языке широко распространено образование прилагательных обладания путем присоединения к имени-обладаемому аффикса *-a*: *шапка-a* 'обладающий шапкой', 'в шапке'. Этот же аффикс может оформлять группу "прилагательное-определение + существительное-определяемое": *{гѳрд шапка}-a* 'обладающий красной шапкой', 'в красной шапке'. Точно так же функционирует аффикс, образующий прилагательные со значением отсутствия чего-либо: *{гѳрд шапка}-тѳм* 'без красной шапки'.

Близкий к рассмотренному случай — групповое оформление аффиксом прилагательных *-са* сочетания существительного с именем локативной семантики, функционирующим при оформлении местными падежами как послелог: *{керка-шѳр}-са* 'находящийся в середине избы' (ср. *керка шѳр* 'середина избы', *керка шѳр-ын* 'посреди избы').

В коми языке широко распространено аффиксальное образование глаголов от существительных, осмысливаемых как объект действия: *ур-ав-ны* 'охотиться на белку' от *ур* 'белка', *гач-ась-ны* 'одеть штаны' от *гач* 'штаны'. Такие же глаголы могут быть образованы от существительных, снабженных определением: *{гѳрд гач}-ась-ны* 'надеть красные штаны' от *гѳрд гач* 'красные штаны' (Федунева, 1992, с.30-31). Конструкцию *гѳрд гачасьны* нельзя рассматривать как сочетание глагола *гачасьны* с определением к нему *гѳрд*: это слово определяет не действие, а его объект, что следует из семантики образовавшейся конструкции и того факта, что *гѳрд* — прилагательное, а не наречие.

Таким же образом в коми языке образуются глаголы от групп, имеющих несколько иной состав: *кык пѳвставны* 'сложить в два раза' от *кык пѳвста* 'сложенный в два раза' (данное сочетание само представляет собой результат группового оформления сочетания *кык пѳвс(т)* 'два слоя' адективизирующим аффиксом *-а*), *асногавны* 'делать по-своему' от *ас ног* 'по-своему' (сочетание усилительно-личного местоимения с послелогом).

Существует мнение, что в рассмотренных случаях представлена инкорпорация (Федюнева, 1992, с.30-31). Вряд ли это суждение справедливо. При сравнении коми конструкций типа *гӱрд гачасьны* с классическими инкорпоративными комплексами в чукотском или нивхском языках бросается в глаза их принципиальное различие: в последних объект с его определениями инкорпорируется в функционирующую самостоятельно глагольную форму, а в коми языке происходит отсубстантивное словообразование глагола. Поэтому объединение этих явлений представляется необоснованным.

Наиболее ярким примером группового оформления предикативных единиц в коми языке является оформление лично-притяжательными и падежными аффиксами прямой речи: *{Нинӧм абу}-ыд* и *миян абу, эм кӧ, аслыд видз* ‘Ничего нет’ и у нас нет, если есть, то про себя береги’ (Коми шусьӧгъяс..., 1983, с.106).

Иногда предикативная группа в препозиции к существительному становится его определением без дополнительного морфологического оформления: *Кыптис {му вӧрӧ} тӧв* ‘Поднялся такой ветер, что трясется земля’; *Этӧй {век бызгӧ} Дарьяыс локтис жӧ* ‘Эта вечно болтающая Дарья тоже пришла’ (Сидоров, 1953, с.7; Цыпанов, 1997, с.9-10).

Сказуемое предикативной группы в таких конструкциях чаще выражено причастием: *{мӧс юӧм} ва* ‘вода, выпитая коровой’. Исследователи коми языка часто смешивают этот случай (признаваемый древнейшим) с вытесняющими его пассивными причастными конструкциями типа *мӧскӧн юӧм ва* с тем же значением (Цыпанов, 1997, с.19-20, 39, 66-68). Между тем эти две конструкции значительно отличаются друг от друга. В первой из них причастие (сказуемое группы) имеет активное значение, а логический субъект, оформляясь именительным падежом, является субъектом и грамматическим. Во второй — значение причастия пассивно, а логический субъект, как ему и положено в пассивных конструкциях, грамматически выступает в форме косвенного дополнения.

Существует и третий вариант, в котором логический субъект принимает показатель родительного падежа: *мӧслӧн юӧм ва*. Несомненно, он возник из конструкций первого типа. Трудно сказать, сохраняется ли здесь групповое оформление. Это зависит от того, что определяется субъектом в генитиве. Если отглагольная форма, то группа сохраняется, причем переосмысливается из предикативной в атрибутивную: *мӧслӧн юӧм* ‘питье коровы’; причастие переосмысливается в имя действия, но сохраняет активное значение. Если же генитивная форма определяет объект, то группа исчезает; глагольная форма остается причастием, но оно становится пассивным. Параллели из тюркских языков, где определяемое в генитивных конструкциях обязательно оформляется притяжательным аффиксом, показывают, что вероятны оба пути, ср. узб. *{у ол-ган} китоб* ‘книга, которую он взял’ >

у-нинг ол-ган-и китоб и *у-нинг ол-ган китоб-и* (выделены аффиксы родительного падежа и притяжательности).

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В то время как групповое оформление предикативных сочетаний со сказуемым-причастием наблюдается достаточно часто даже в условиях вытеснения их обычными пассивными причастными конструкциями индоевропейского типа (с подлежащим в творительном падеже), групповое оформление сочетаний со сказуемым, выраженным личной формой глагола, — явление исключительно редкое. Эта черта находит точную параллель в тюркских языках, где сказуемым в “определятельных развернутых членах предложения” — аналогах абсолютных причастных оборотов коми языка — может быть, как правило, только причастие: финитный глагол встречается в этой функции очень редко (Гаджиева, 1973, с.221-222). Это можно объяснить тем, что такие конструкции с групповым оформлением возникли очень рано, еще до появления причастий. Чтобы стать определением к существительному, предикативная группа, сказуемое в которой было выражено основой глагола без словоизменительных показателей, оформлялось специальным атрибутивным аффиксом, подобно глаголу в причастной функции и существительному. Таким образом, наиболее древние причастные аффиксы коми языка *-ан* и *-ом* могут отождествляться с прауральскими показателями родительного и винительного падежей. Можно предположить, что в зависимости от характера определения происходила следующая дивергенция значений аффиксов: 1) ф.-у. **šinere-n silmä* ‘глаз мыши’ > фин. *hiire-n silmä* (в коми языке окончание генитива **-n* вытеснено окончанием *-лӧн*, откуда *шыр-лӧн син*); 2) ф.-у. **juče-n šinere* ‘пьющая мышь, мышь, которая пьет’ > коми *ю-ан шыр*; 3) ф.-у. **{šinere juče}-n wete* ‘вода, которую пьет мышь’ > коми *{шыр ю-ан} ва*.

Рассмотренный определятельный оборот представляет собой семантический эквивалент относительного придаточного предложения. При преобразовании самостоятельного предложения в такой оборот сказуемое этого предложения, выраженное финитным глаголом, трансформируется в сказуемое оборота, выраженное отглагольным именем на *-ом* (реже на *-ан*), подлежащее остается в именительном падеже или сменяет его на родительный, форма остальных членов сохраняется неизменной. Те же изменения происходят и при образовании сходных оборотов, являющихся функциональными аналогами придаточных предложений других типов. Исторически в этом случае предикативная группа со сказуемым-причастием (в тюркских и монгольских языках форма сказуемого аналогичных оборотов совпадает именно с причастием, но не с именем действия) оформлялась падежными показателями и послелогом. Однако в современном состоянии групповое оформление здесь, по-видимому, уже отсутствует, и следует го-

ворить о падежном и послеложном оформлении отглагольных имен, которым подчинены все остальные члены оборота.

Эквивалент дополнительного придаточного предложения образуется постановкой группы в винительном падеже с частой заменой падежа подлежащего на притяжательный: *Педёр да Василей быттьё {Иванлысь висьталём}-сё эз и кывлыны, сёйсны да юсны, мый вермисны, пёттёдзныс* 'Федор и Василий будто и не слышали, что сказал Иван, ели и пили, сколько смогли, досыта' (Коми мойдъяс, 1976, с.5). Подлежащее оборота опускается, если оно совпадает с подлежащим предложения, в котором оборот является дополнением: *А Иван {дедкөд паныдасьлём}-сё мамы эз висьтав* 'А Иван не сказал матери, что встречался с дедом'; *А Иван сійё эз вундö {адрес сетлём}-тö* 'А Иван тот не забыл, что дал адрес' (Коми мойдъяс, 1976, с.32, 86).

Имеется интересный случай присоединения показателя винительного падежа к финитной форме глагола (а не к отглагольному имени, как обычно), причем под влиянием синонимичного рассматриваемому обороту дополнительного придаточного предложения в оборот проник союз *мый*, подчиняющий, как и падежный аффикс *-сё*, зависимое действие главному: *Эн шу, мый {оз ков}-сё, бокөвöй өд, бур морт* 'Не говори, чего не надо, чужой ведь, хороший человек' (Коми мойдъяс, 1976, с.86).

Иногда к группе перед падежным окончанием присоединяется субстантивирующий суффикс *-тор*: *Мед дзоля кө: {ассьыс пуктём}-тор-сё судзас, {йöзлысь пуктём}-сё нинöмла судзодныс* 'Не беда, что маленький: что положил сам, достанет, что положили другие, незачем доставать' (Коми шусьöгъяс..., 1983, с.31). Последний пример интересен тем, что здесь параллельно употреблены обороты, в первом из которых суффикс *-тор* имеется, а во втором — отсутствует. При его наличии в функции сказуемого оборота может выступать не только глагол: *{Нинöм абу}-тор-тö некор он вошты* 'То, чего нет, никогда не потеряешь' (Коми шусьöгъяс..., 1983, с.183).

Эквивалент придаточного предложения подлежащего не имеет падежного оформления, однако обычно принимает определенно-притяжательный аффикс: *Важ конюкъясыдлы эзв нелюбö лои {выль слугавыдлөн воём}-ыд, да кутисны найö думайтны, кыз мынтöдчыны сыысь* 'Прежним конюхам очень не понравилось, что появился новый слуга, и стали они думать, как избавиться от него'; *Пырис генерал ордö, а сійё генералыд ичөтдэжык на вöлöма, {ыдэжыддэжык чинлөн пыралём}-ыд эзв любö лои* 'Вошел к генералу, а тот генерал был ниже его [по званию]; очень [ему] понравилось, что зашел старший чин' (Коми мойдъяс, 1976, с.20, 80).

Эквивалент обстоятельного придаточного предложения со значением причины образуется постановкой группы в исходном падеже: *{Ёна юмөвсö сёйöм}-ысь вомыс нин курзьöма* 'От того, что ел очень сладкое, во

рту горько стало'; {Бур кером}-ысь омоль оз ло 'От того, что сделать добро, плохо не будет' (Коми шусьогъяс..., 1983, с.89, 98). Видимо, в результате переосмысления сказуемого подобных конструкций, принимавших показатель творительного падежа -он и имевших значение обстоятельства образа действия, образовались деепричастия сопутствующего действия на -омон.

Из случаев послеложного оформления предикативной группы наибольшее распространение имеет обстоятельственная конструкция со значением предшествования, образуемая с помощью послелога бõрын: Вот гортõ мõдõдчас Иван-салдат {кызь вит во служитõм} бõрын 'Вот домой отправляется Иван-солдат после того, как отслужил двадцать пять лет'; {Верст дас кымын мунõм} бõрын Савалõн кутис кынõм сюмавны 'После того как прошел примерно верст десять, Савва проголодался' (Коми мойдяс..., 1976, с.54, 63). При этом для отрицания подчиненного действия в качестве сказуемого группы используется отрицательное причастие на -тõм: А Иван {куим войтõ узьтõм} бõрын сэтшиõм чорыда узис, весиг нинõм эз и кывлы 'А Иван после того, как не спал три ночи, так крепко спал, что ничего и не почувствовал' (Коми мойдяс, 1976, с.9).

Для указания на длительность действия предикативная группа сочетается с послелогом дыра: Майõг йылõ {катшалõн пуксьылõм} дыра мортõдлõн олõмыд 'Жизнь человека длится не дольше, чем присест сороки на колу' (Коми шусьогъяс..., 1983, с.56). Имеются также случаи образования подобной сравнительной конструкции с помощью послелога кодь: {Ош косявлõм} кодь паськõмыс 'Одежда на нем в ключьях, будто медведь драл' (Коми шусьогъяс..., 1983, с.82).

Большое сходство с рассмотренными оборотами, сказуемое которых, будучи выражено отглагольным именем на -ом, принимает падежное и послеложное оформление, обнаруживают многочисленные конструкции, в которых сказуемое выражается деепричастиями с суффиксом -иг и его производными. Так, деепричастный суффикс -игон, подобно упомянутому выше суффиксу -омон, образован с помощью показателя творительного падежа -он. Можно предположить, что форма на -иг, в современном языке деепричастная, имела когда-то причастное значение, на вероятность чего указывают и многочисленные типологические параллели (Недялков, 1990, с.40-41, 50). Группа, сказуемое которой выражалось формой на -иг, могла оформляться показателем не только творительного, но и вступительного или местного падежа, откуда в результате слияния с лично-притяжательными аффиксами появились деепричастные формы на -игам, -игад, -игас, -иганым, -иганыд, -иганыс, а также сочетаться с многочисленными послелогами, откуда деепричастные аффиксы -игмоз, -игтырйи, -игкості и т. д.

Таким образом, групповое оформление занимает важное место в грамматической системе коми языка. В некоторых случаях оно обнаруживает тенденцию к исчезновению (конструкции типа {мõс юан} ва), однако в

других (типа {гöрд шапка}-а, {гöрд гач}-ась-ны) продолжает активно функционировать. Большую типологическую близость к коми языку в этом отношении обнаруживают тюркские и монгольские языки, в которых находят параллель почти все характерные для коми языка конструкции с групповым оформлением.

По-видимому, групповое оформление является одной из характерных черт агглютинативного строя и широкая представленность его в коми языке, как и в тюркских, монгольских и некоторых других, обусловлена их ярко выраженной агглютинативностью. Не случайно групповое оформление имеет распространение в тех изолирующих (китайский) и флективных (английский) языках, где получили развитие агглютинативные тенденции.

Литература и источники

- Блумфилд Л. Язык. - М., 1968.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. - М., 1973.
- Даниэль М.А. [Рец. на:] Double case: Agreement by suffixaufnahme/ New-York etc., 1995 // Вопросы языкознания. - 1998. - № 1.
- Дудина Л.Н. Турецкий язык. - М.-Баку, 1993.
- Коми мойдъяс. - Сыктывкар, 1976.
- Коми пшүсöгъяс да кывйöзъяс. Коми пословицы и поговорки. - Сыктывкар, 1983.
- Недялков В.П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. - М., 1990.
- Некрасова Г.А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках. - Сыктывкар, 1995.
- Ринчинэ А.Р. Учебник монгольского языка. - М., 1952.
- Сидоров А.С. Порядок слов в предложении коми языка. - Сыктывкар, 1953.
- Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. - М., 1985.
- Успенский Б.А. Структурная типология языков. - М., 1965.
- Федюнева Г.В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. - Сыктывкар, 1992.
- Цыганов Е. А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. - Екатеринбург, 1997.